

Наталья Комелина

Весенняя школа по фольклористике и культурной антропологии «Фольклор в наше время: традиции, трансформации, новообразования»

Со 2 по 10 мая 2009 г. Центр типологии и семиотики фольклора Института высших гуманитарных исследований РГГУ провел десятую весеннюю школу по фольклористике и культурной антропологии для студентов, аспирантов и молодых преподавателей. В ней принимали участие филологи, историки, этнографы, лингвисты и пр. Традиционно она проходила в Москве и Переяславле-Залесском. На этот раз школа имела название «Фольклор в наше время: традиции, трансформации, новообразования». Круг решавшихся и обсуждавшихся проблем включал как непосредственно связанные с «постфольклором» явления, так и вопросы, отдаленно касающиеся городской культуры. В обосновании темы школы рамки исследований были определены предельно широко: от «палеофольклора» к «постфольклору»; поэтому широк оказался и диапазон тем, которым были посвящены лекции и доклады.

Наталья Геннадьевна Комелина
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
komlmg@mail.ru

Участники школы прошли конкурсный отбор, состоявший из нескольких этапов и заключающийся в решении лингвистических задач. География слушателей и преподавателей была довольно широка: Россия, Казахстан, Украина, Белоруссия, Эстония, Польша, Италия, Германия и Бельгия.

Арво Крикманн (Тарту, Эстония) в лекции «“Концовка” — межевой столб в историческом развитии жанра фольклорной шутки? От шванков АТУ к современному анекдоту» рассмотрел несколько точек зрения на развитие жанра и предложил свою версию пересмотра границы между шванком и пуантированным анекдотом. Отмечая полисемию термина анекдот ~ исторический анекдот ~ нем. die Anekdote ~ англ. anecdote, А. Крикманн проанализировал семантические отношения терминов нем. der Schwank / der Witz, англ. tale / joke и др. Исследователь также обратился к анализу текстов, заканчивающихся прямой речью, которая, в зависимости от конкретных условий, может приобрести качество пуанта-самообличения или пуанта-контрудара антагониста, или просто «суб-пуантного» юмористического комментария нейтрального героя.

В докладе «Великая цепь бытия как фон персонификации и деперсонификации в пословицах» Арво Крикманн, опираясь на работу А. Лавджоя «Великая цепь бытия» (1936) и используя теорию метафоры Дж. Лакоффа и М. Тернера, предложил свой вариант интерпретации пословиц.

Л.Н. Виноградова (Москва) в своей лекции «Проклятие как вербальная магия, как ритуальный акт и как разновидность брани (историческая смена функций)» отметила важность контекстного изучения подобных явлений, определила главные признаки и прагматику жанра. Исследовательница выделила проклятья: заочные и в присутствии проклинаемого, публичные и семейные, случайные и специальные, облегченные (недосказанные) формы, формулы-перевертыши, а также проклятия в ответ на проклятия. В заключение лекции отмечалось, что в современном обществе этот жанр реализует экспрессивную функцию речи.

Лекция О.Б. Христофоровой (Москва) «Демонология в современном городе: тексты и контекст» была основана на полевых материалах, собранных автором в Москве в 2000–2008 гг. Внимание было сосредоточено на мифологических представлениях современных горожан, а именно — на вере в колдовство: продемонстрированы социально-психологические механизмы, лежащие в основе веры в сглаз и порчу; объяснительные модели и стратегии поведения, которые колдовской дискурс предлагает носителям традиции; факторы, обеспечивающие

устойчивость веры в колдовство в современном мегаполисе и определяющие ее специфику.

В своем докладе «Приметы в современном городе: семантика и прагматика» **И.Ю. Назарова (Санкт-Петербург)** показала, что для определения приметы недостаточно выделения формальных признаков текстов, и акцентировала внимание на восприятии примет и отношении к ним носителей традиции. Для описания семантической организации примет докладчица обратилась к теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и выявила основные метафоры, описывающие «удачу» в приметах рыбаков. После доклада развернулась продолжительная дискуссия о границах фольклора и о том, можно ли рассматривать примету как вербальный стереотип (т.е. как объект фольклористики), или же она является поведенческим стереотипом и должна изучаться в рамках этнографии.

В лекции **А.Ф. Белоусова (Санкт-Петербург)** «Русская городская баллада XX века (на материале сборника А.М. Астаховой “Песни уличных певцов”»)» были перечислены традиционные и новые темы городской баллады 1920-х гг., произведен анализ некоторых сюжетов 1925–1926 гг.: преступление на Митрофаньевском кладбище; крушение парохода «Буревестник»; «чубаровское» дело. Специальное внимание А.Ф. Белоусов уделил тому, каким образом реальное событие и газетные штампы, описывающие его, находят отражение в тексте.

В докладе **М.Д. Алексеевского (Москва)** был предложен краткий обзор основных методологических подходов к изучению интернет-фольклора в отечественной и зарубежной науке и подробно проанализирован цикл городских легенд, связанных с Премией Дарвина. Эта шуточная награда ежегодно присуждается людям, которые погибли наиболее глупым образом. Победители премии определяются в ходе голосования на сайте DarwinAwards.com. Хотя к участию в конкурсе принимаются только документально подтвержденные рассказы, многие истории о знаменитых «победителях» прошлых лет на самом деле являются городскими легендами. Докладчик на примере двух сюжетов (о машине с ракетным двигателем и о смерти работника зоопарка в клетке слона) проследил, как городские легенды попадают в Интернет, как осуществляется трансмиссия подобных историй в виртуальном пространстве и что происходит при адаптации их русскоязычными пользователями сети.

В докладе **Эрика Метца (Гент, Бельгия)** «Легенда о компьютере-звере» на обширном материале (франко-, англо- и русскоязычном) проанализирована легенда о персонаже современной эсхатологии. Образ огромного компьютера, собирающего информацию и контролирующего большую часть жителей Земли,

коррелирует с персонажем Апокалипсиса. В докладе была подчеркнута роль нумерологии в интерпретации названия Зверя и его числовых эпитетов. Das beast (нем. Зверь) «расшифровывается» пользователями Интернета как Brussel Electronic Accounting Surveillance Terminal. Докладчик рассмотрел различные варианты этой легенды, связанные с разной локальной приуроченностью Зверя (Люксембург, Страсбург, Амстердам, Даллас, Чикаго, Мериленд).

В лекции **М.В. Ахметовой (Москва)** «Неофициальные названия городов в русскоязычном узусе» показаны основные механизмы образования неофициальных топонимов на примере 600 номинаций, относящихся к более чем 300 городам России и ближнего зарубежья. В основном неофициальные топонимы употребляются в молодежной речи; некоторые проникают в публицистику и художественную литературу. Прототипами для части топонимов являются авиационные и почтовые коды, картографические и библиографические сокращения (для топонимов-аббревиатур), «метафоры провинции», вымышленные топонимы из художественной литературы.

В докладе харьковского исследователя **М.М. Красикова** «Обрядность современного студенчества» была рассмотрена ритуалистика субкультуры (посвящение в студенты, в жильцы общежития), в частности, предэкзаменационные ритуальные магические действия: обряд вызова Шары (Халявы) и др. Докладчик продемонстрировал богатый материал, собранный им как в украинских, так и в российских вузах, сравнил студенческие обряды с традиционными.

Е.Е. Левкиевская (Москва) прочитала две лекции, посвященные прозаическим жанрам городского фольклора: страшилкам и слухам. В лекции «О происхождении страшилок» она определила основную функцию их персонажа — «убивать ребенка». Сравнив современные записи с немногочисленными детскими страшилками, зафиксированными в XIX в., и с крестьянскими быличками, исследовательница пришла к выводу, что причина изменений этих текстов в городской традиции заключается в более крупных социальных структурах по сравнению с деревенскими. Были выделены топосы: уличный, казенный, приватный и деревенский. Во второй лекции «Слухи как речевой жанр» рассматривались коммуникативные ситуации, в рамках которых возникают и передаются слухи, а также их участники и языковые особенности выражения смыслов в системе разговорной коммуникации. Для анализа слухов Е.Е. Левкиевская предложила выделять аспекты: аксиологический, когнитивный, дидактический, коммуникативный и фатический (подразумевающий эмоциональное общение, создание эмоционального фона в обществе).

Лекция **А.П. Липатовой (Ульяновск)** «Разность точек зрения на рассказ: “Слухи и толки” и (или) “свидетельские показания”» была посвящена исследованию особенностей субъективной формы текста — «свидетельского показания». Анализ основывался на материале рассказов о чудесном обретении икон, зафиксированных в архивных документах второй половины XIX — начала XX в. Сопоставление текстов, воспринимавшихся церковными властями как истинные, и «лжетекстов» показывает, что фабульно эти нарративы похожи. Однако разность точек зрения на произошедший случай определяет отличие слухов и «свидетельских показаний».

В лекции «Новые формы эпоса в XIX–XX вв., или почему новины не стали фольклором» **Н.В. Петров (Москва)** предпринял попытку определить границы «продуктивности» эпического жанра и описал появление новых форм эпоса в русском фольклоре XX в. Были рассмотрены сюжетные источники былинных новообразований, механизмы «обновления» старых сюжетов, отмечена роль книги, СМИ, анкет и «подсказок» собирателей. Во второй своей лекции «Подводный мир в наши дни, или Как рождаются “легенды”, в коей речь пойдет о кропотливой работе современных собирателей фольклора и удивительнейших рефлексиях информантов» исследователь обратил внимание на «нелепые» ответы информантов, вызванные непониманием вопроса собирателя или другими причинами, — те части интервью, которые обычно «забраковываются» при обработке полевых материалов фольклористами. Н.В. Петров предложил свою интерпретацию подобных текстов.

В докладе **И.Б. Иткина (Москва)** «Структура коммуникативного трюка, “Волшебный рог мальчика” и современные литературные сказки» была рассмотрена одна из реализаций коммуникативного трюка, на котором основан широко распространенный в разных фольклорных традициях сюжет о рассказывании небылиц, а именно — немецкая народная баллада, вошедшая в сборник «Волшебный рог мальчика». Докладчик выдвинул гипотезу о том, что два других сюжета, представленные в том же сборнике, в определенном смысле родственны сюжету об искусном вранье; а также проанализировал авторские трансформации соответствующих сюжетов.

А.Б. Мороз (Москва) прочитал лекцию «Традиционный календарь в современном исполнении». Он отметил, что современный народный календарь сильно редуцирован и в большей мере оторван от жизни, нежели традиционный. При этом праздники часто ресемантизируются, их названия этимологизируются в соответствии с локальной традицией, в результате чего они приобретают иной смысл. Наряду с «остатками старого»

в народный календарь включаются и новые праздники (День пожилых людей, День села), происходит возврат к церковному и досоветскому народному календарю.

В докладе **Якоба Фрухтманна (Бремен, Германия)** «Денежная экономика русского сказочного мира» рассматривались правила оперирования денежными ценностями в русских сказках. Эти правила интерпретируются как отражение фундаментальных характеристик картины мира этого жанра (например, восприятия иного мира).

В своем докладе «От фольклора к фолку. Функционирование польских и восточнославянских народных песен в современной культуре» **Томаш Рокош (Люблин, Польша)** охарактеризовал способы функционирования традиционных народных песен при исполнении их деревенскими музыкальными коллективами, ансамблями песни и пляски, группами, реконструирующими фольклор, а также экспериментальными театрами. Среди наблюдаемых изменений докладчик отметил: селекцию жанров, сокращение текстов, их смешение, языковые модификации, смену техники пения и верификацию контекста исполнения. Несмотря на то, что большинство групп реализует собственные идеи и художественные принципы, среди описываемых явлений можно выделить две основные парадигмы: фолковую и пуристскую.

М.А. Мельниченко (Москва) в докладе «Анекдоты в пропагандистских материалах Великой Отечественной войны» охарактеризовал круг советских и немецких агитационных материалов, в которых фиксировались анекдоты в период Великой Отечественной войны. Сопоставив тексты из этих источников с материалами собраний профессиональных фольклористов, а также довоенными фиксациями политических анекдотов в дневниках современников и других типах источников, докладчик продемонстрировал уровень востребованности фольклорных сюжетов в агитационных материалах и степень искажения в них традиции; а также пришел к выводу о сравнительно невысоком уровне достоверности эмигрантских публикаций советских политических анекдотов в целом.

Лекции **А.С. Архиповой (Москва)** «Как легенда стала человеком: история тайной жены Сталина, Розы Каганович: Этапы формирования легенды» и «Чекисты как фольклористы: к вопросу о формировании властью “антисоветского фольклора”» были посвящены сложению и функционированию «политического» фольклора в Советском Союзе.

В первой лекции реконструируется легенда о Розе Каганович, которая не существовала в реальности, но в течение XX в. при-

обрела насыщенную биографию благодаря эмигрантской периодической печати, советологическим исследованиям, антисемитским стереотипам и устным текстам фольклорного происхождения. Различные мотивы, группируясь вокруг этого персонажа, создают к 1940-м гг. цельное мифологизированное повествование, которое для многих социальных групп (внутри и за пределами Советского Союза) репрезентирует «подлинное представление» о советской власти. Настойчивая необходимость верифицировать Розу Каганович повлекла за собой серию фальсификаций (с 1950-х по 1990-е гг.).

Вторая лекция была посвящена разным аспектам взаимодействия властей и народной культуры. К 1930-м гг. советская власть, до того благоволившая (с оговорками) фольклору как «голосу улицы», начала вырабатывать репрессивную политику по отношению к фольклорным текстам, для чего карательным органам пришлось изобрести собственную методику сбора материала и его дифференциации.

Григор Григоров (София, Болгария) в докладе «Фольклор и политика. Болгарский пример» связал историю становления болгарской (как, собственно, и любой) государственности с повышенным интересом к фольклору (созданием сборников, появлением крупных собирателей и т.п.). Отталкиваясь от идеи о том, что фольклорная культура представляет собой матрицу, на основе которой выстраивается политическая риторика, он рассмотрел недалекое прошлое Болгарии и проанализировал механизмы презентации болгарского лидера как «фольклорного» персонажа и восприятие его народом.

Эпиграфом к мини-курсу по истории антропологии **Ю.Е. Березкина (Санкт-Петербург)** был тезис о том, что «та антропология, которую мы знаем, является продуктом сочетания некоторых закономерных тенденций и совершенно непредсказуемых случайных обстоятельств». Лекции этого курса были посвящены Францу Боасу и его ученикам (О. Креберу, Р. Бенедикт, М. Мид). Эпилог рассказа о преимущественно американской антропологии сводился к определению проблемы мировой науки вообще, отличающейся дескриптивностью и боязнью анализа и интерпретации: «Огромные усилия огромного количества людей не могут быть обобщены. Где то здание, кирпичики для которого они все время лепят? Вот эти кирпичики пока разложены на большой равнине, один к одному. И не только даже нет плана, но нет и намерения из них что-то строить. И вот это, на мой взгляд, кардинальная проблема, с которой эта наука сейчас сталкивается».

Кроме этого курса, Ю.Е. Березкин прочитал лекции «Кто в арьергарде?», «Неправильный брачный обряд приводит

к рождению духов», «Еще раз о заселении Америки», посвященные сравнению мифологических систем и отдельных мотивов (например, «Герой в чужой шкуре»), что позволяет, по мнению автора, пролить свет на историю миграции народов и их контакты.

А.И. Давлетшин (Москва) в своей лекции «Сказки, предания и мифы народов тотонакской языковой семьи. Жанровая классификация и схемы взаимодействия с европейским фольклором» познакомил слушателей с малоизвестными устными традициями народов тотонаки и тепеуа, проживающих в Мексике. Автор основывался преимущественно на неопубликованных записях и материалах собственной экспедиции.

Вторая лекция А.И. Давлетшина «Вырезанные из бумаги боги, души и души в ритуальной традиции современных народов южной уастеки» была посвящена традиции индейцев тепеуа, тотонаки, отоми и науа, которые во время ритуалов вырезают из бумаги фигурки богов, злых духов и человеческих душ. На продолжившем ее семинарском занятии исследователь продемонстрировал, каким образом можно анализировать эти изображения.

В третьей лекции «Мифологические мотивы в восточно-полинезийском изобразительном искусстве» были рассмотрены наиболее важные и частотные мифологические мотивы фигуративного искусства Восточной Полинезии на примере наскальных изображений, деревянной и каменной скульптуры в сопоставлении с известными мифологическими мотивами.

Лекция «Символика современных гавайских песен и дохристианская религия Гавайев» **А.В. Козьмина (Москва)** была посвящена гавайской песенной традиции, которая испытала существенную трансформацию в результате колониальных контактов. На первый взгляд, эти песни не несут следов языческого прошлого, между тем, как было показано, их символика имеет дохристианские корни. Эта символика используется в новом контексте, однако сохраняет коннотации, свойственные традиции Гавайев до контактов с европейской цивилизацией.

В другой лекции «Интерпретация искусства народов Океании» **А.В. Козьмин** продемонстрировал на нескольких примерах, каким образом можно интерпретировать традиционное искусство, используя комментарии информантов и формальный анализ.

С.В. Кулланда (Москва) в лекции «Визуальный фольклор? Поэтика скифского стиля» сделал предположение о том, что при создании визуальных объектов скифы использовали приемы, характерные для вербальной традиции. Сравнив бронзовые

псалии из кургана у села Хошеутова с гимнами Ригvedы, исследователь пришел к выводу, что ведийское искусство звуковых намеков-анаграмм переключается с представленным в скифском изобразительном искусстве приемом «складывания» нового образа из нескольких фигур или частей тел животных.

Во второй лекции С.В. Кулланды «Индийская культура на Яве» было рассмотрено заимствование санскритских слов в языках Индонезии, обусловленное внутренними потребностями яванского общества в перестройке общественного сознания — одним из его условий было формирование понятий, связанных с развитием новых социополитических структур.

Лекция **Т.А. Михайловой (Москва)** «Пес в ирландской традиции: фольклор и/или фразеология» была посвящена функционированию и семантике ирландских слов содержащих элемент «пес». Имя главного эпического героя ирландской традиции — Кухулин — объясняется как «пес Кулана». Именования ирландских королей и героев, содержащие элемент «пес», несут информацию об их главной функции: быть защитниками племени, жен и стад. При этом в поздней фразеологии, как и у многих других народов, употребление слов «пес» и «сука» в адрес мужчины и женщины носит характер оскорбления.

Кроме того, на Школе прозвучали доклады молодых ученых, ее недавних слушателей.

Доклад **А.А. Курочкиной (Нижний Новгород)** «Социально-культурный эксперимент “Покровские Дни”»: хроника и промежуточные итоги» был посвящен описанию мероприятия по возрождению комплекса традиций празднования Покрова Богородицы (14 октября), исторически связанных с Большой Покровской — центральной улицей Нижнего Новгорода.

В докладе **Д.С. Николаева (Москва)** «Формулы в ирландской поэтической традиции» была рассмотрена сочетаемость слов в рамках строк или композитов (двучленных хвалебных эпитетов) в древнеписьменных кельтских языках и ономастике, что позволило автору выделить некоторое количество формульных конструкций или формульных схем.

Н.С. Петрова (Москва) выступила с докладом «Трансформация фольклорных образов в медиакультуре XX века». Феномен медиаизации (media-ization) фольклора был рассмотрен на примере советских и постсоветских кино- и мультипликационных экранизаций фольклорных произведений. Репрезентация фольклора средствами массовой культуры играет роль в формировании стереотипных представлений о фольклоре. Кроме того, на данном материале была показана специфика перевода вербальных форм культуры в аудиовизуальные.

В докладе **В.А. Черваневой (Воронеж)** «Фольклор и паблик рилейшнз» сближались механизмы PR-коммуникации и традиции как способа передачи информации; по мнению автора, основные свойства фольклора находят свои параллели в PR-технологиях.

На занятиях также обсуждались доклады слушателей школы **Н.Н. Вохман (Красноярск)** «Современное состояние фольклорной традиции сибирской деревни Красноярского края (по материалам экспедиции 2009 г.)», **А.М. Жердевой (Симферополь, Украина)** «Модели ремифологизации культурного сознания в координатах советской идеологии (на примере десяти послевоенных сборников легенд Крыма)»; советскому фольклору были посвящены сообщения **Н.Г. Комелиной (Санкт-Петербург)** о механизмах создания образа советского сказителя и его рецепции и **И.В. Козловой (Санкт-Петербург)** о советских новинах о покорителях Севера; **И.А. Гринько (Москва)** рассказал о модификациях тела в традиционной и современной культуре.

На школе проводились семинарские занятия, посвященные решению лингвистических задач (А.С. Архипова и С.А. Бурлак).